

Отец Лян, слушая старуху Цюй, холодно посмотрел на неё:

— Свекровь, вы, должно быть, не выспались в обед, и теперь ваши глаза плохо видят. Каким образом вы заметили, что старший и второй сын похудели?

— Кто знает, как вы, Ляны, организуете работу. Моя старшая семья не похудела, а вторая семья стала совсем худой. Как так, вы, Ляны, не хотите признавать? Я вам скажу, вся деревня это видела! — Старуха Цюй, не краснея и не задыхаясь, тут же приплела всю деревню, ведь она всегда была такой наглой и никогда не заботилась о чужом мнении.

Отец Лян понимал, что старуха Цюй просто решила вдруг прийти в дом Лян и вымогать что-то, и если они сейчас уступят, в будущем она будет постоянно их донимать, не давая покоя.

Поэтому отец Лян не стал вникать в слова старухи Цюй и просто сказал:

— Свекровь, если ваша семья Цюй действительно считает, что мы, Ляны, что-то сделали не так, пусть Цюй Даню, Цюй Эрню и другие мужчины вашей семьи, которые могут принимать решения, придут сюда!

Не желая больше связываться со старухой Цюй, отец Лян отдал приказ:

— Лян Мао, проводите гостью.

Лян Мао был отцом Лян Додао и Лян Догу, а также управляющим отца Ляна, помогавшим ему в делах дома и за его пределами. Как и его сыновья, он был высоким и крепким, и, с мрачным лицом подойдя к старухе Цюй, без лишних слов одной рукой поднял её и повёл к выходу.

— Обижают! Ляны обижают! Мужчина обижает старуху, пусть гром поразит вас, чёрные сердцем, гнилые кишки! — Старуха Цюй, которую вели к выходу, была в ярости, размахивая руками и ногами, пытаясь ударить, но Лян Мао ловко уклонялся.

Старуха Цюй была так зла, что готова была взорваться, она кричала изо всех сил, но это был дом Лян, и, кроме лая собак на дворе, никто не мог её услышать.

Через некоторое время старуха Цюй наконец поняла, что дом Лян — это не деревня Цюйцзя, и, сжав губы, злобно уставилась на Лян Мао.

Лян Мао довёл её до ворот дома Лян и, смотря сверху вниз на старуху Цюй, сказал:

— Свекровь, наш господин добрый человек, вы не раз приходили сюда скандалить, и мы никогда ничего не говорили. Если вы снова придёте, всё будет не так просто.

— Видите ту гору напротив? Изначально господин хотел, чтобы старший и второй сын продолжали работать здесь, но, судя по вашим словам, вы, видимо, не хотите, чтобы они приходили?

Сказав это, Лян Мао шагнул назад, за порог дома Лян, и, не обращая внимания на реакцию старухи Цюй, захлопнул ворота.

Слова Лян Мао заставили старуху Цюй мгновенно понять, что она рассчитывала на то, что первый и второй дом семьи Цюй продолжат работать в доме Лян и приносить ей деньги. Если сейчас она поссорится с Лянами, и они не позволят им работать, её потери будут огромны, и это как раз сыграет на руку лентяю Цюй Эрню. Этого нельзя допустить!

Старуха Цюй скрежетала зубами, и, подумав, решила, что накопление денег для учёбы старшего внука и сдачи императорских экзаменов важнее, и ради этого она может поклониться Лянам.

— Свекровь, свекровь! Вы слышите? — Старуха Цюй снова закричала. — То, что я говорила, было шуткой! Мои два сына работают у вас, Ляны, замечательно, нет добрее хозяев, чем вы!

Однако ответом ей был лишь лай собак, никто не вышел к ней.

Забрать свои слова обратно могла только старуха Цюй. Если это было ей выгодно, она никогда не заботилась о своей репутации.

Старуха Цюй ещё немного постояла у ворот, но так и не дождалась, чтобы кто-то вышел. Она злобно плюнула на землю перед воротами дома Лян, пробормотала пару ругательств и, видя, что уже темнеет, не стала больше задерживаться и с ненавистью отправилась обратно в деревню Цюйцзя.

Цяоцинь и Лян Мао всё это время стояли за воротами. Они слышали слова старухи Цюй и звук плевка, и, посмотрев друг на друга, увидели в глазах друг друга отвращение.

Когда старуха Цюй ушла, Цяоцинь взяла ненужную тряпку и вытерла то место, где та плюнула, с отвращением сказав:

— Какой же хороший человек наш молодой господин, и как у него может быть такая бабка.

Лян Мао, глядя на удаляющуюся фигуру старухи Цюй, сморщил лоб:

— Молодой господин похож на семью Мэн, а не на семью Цюй. Давай быстрее уберём, скоро вернутся господа, не стоит им это видеть.

Тем временем старуха Цюй вернулась в деревню Цюйцзя, где многие ещё ждали, чтобы посмотреть, что она принесёт из дома Лян. Увидев, что она ушла с пустыми руками и вернулась с пустыми руками, они украдкой смеялись над её самонадеянностью.

Одна старуха, отправившаяся в дом Лян, ничего не могла сделать, даже если бы она позвала всех мужчин семьи Цюй, вряд ли бы что-то получила.

Старуха Цюй, уже разозлённая тем, что ей пришлось унизиться перед Лянами ради денег, разозлилась ещё больше, увидев насмешливые взгляды, и тут же на деревенской площади начала кричать и ругаться.

Что касается Цюй Даню и Цюй Эрню, то, вернувшись, они почти сразу же начали готовиться к уборке урожая. Эт братьев даже не успели посадить, как отправили работать в поле.

На поле, укрывшись высокими посевами, Цюй Эрню сел на межу, даже не думая работать.

Цюй Даню, глядя на свои тщательно ухоженные посевы, которые стали такими сухими, с болью в сердце сказал:

— Младший брат, земля слишком сухая, вставай, нам нужно срочно поливать.

— Брось, старший брат, нас даже не напоили, зачем работать? — Цюй Эрню потянул Цюй Даню, чтобы тот тоже сел. — Эти посевы уже так долго страдали от жажды, что один день полива ничего не изменит. Посмотри, вода на нашем рисовом поле почти высохла, а родители

даже не обратили внимание.

— Как же так, — Цюй Даню, каждый год работая с землёй и посевами, прекрасно понимал, почему земля стала такой сухой, и его сердце наполнилось сложными чувствами.

Цюй Эрню не хотел продолжать разговор со старшим братом и сказал:

— Старший брат, я хочу спросить тебя кое о чём, давай немного отдохнём, а потом продолжим работу.

— А? О чём? — Цюй Даню удивлённо посмотрел на младшего брата. Почему он не сказал об этом раньше, пока они не вернулись домой?

Цюй Эрню, выдёргивая сорняк, сказал:

— Недавно я с тобой работал на подработках, и за всё это время у тебя накопилось семьсот двадцать девять монет. Ты собираешься отдать эти деньги жене или продолжишь держать их у меня?

— Что? — Цюй Даню широко раскрыл глаза, не веря своим ушам. Он не знал, что у него была такая сумма.

Цюй Эрню раздражённо сказал:

— Старший брат, не может быть, чтобы ты забыл. Я каждый раз считал с тобой, это же было так недавно.

— Это не... — Цюй Даню замялся. — Я думал, ты шутишь, и не воспринимал это всерьёз.

Первый раз, когда он вернулся с деньгами, они даже не успели согреться в его руках, как мать их обнаружила, и с тех пор он больше не приносил денег домой. Он думал, что младший брат разочаровался в нём и больше не хотел давать ему деньги.

Цюй Эрню закатил глаза:

— Я, Цюй Эрню, держу слово. Раньше я не давал тебе денег, потому что видел, что ты не можешь их сохранить, а теперь, когда ты и твоя жена, кажется, научились, я решил быстро с этим разобраться.

Цюй Даню почувствовал, что всё это кажется нереальным. Он даже не мог представить, как будет выглядеть семьсот с лишним монет в руках.

— Может, пусть они останутся у тебя, — смущённо сказал Цюй Даню.

— Нет! Старший брат, не решай за себя, спроси жену, посмотри, что она скажет, — Цюй Эрню не согласился. У него не было желания постоянно управлять чужими деньгами. — Кстати, за работу в доме Лян ты и твоя жена хорошо потрудились, и от Лянов осталось немного денег, твоя доля — один лян. Не забудь сказать жене.

Цюй Эрню не обманывал Цюй Даню, он не мог дать ему больше одного ляна из восьми, потому что большая часть работы в доме Лян лежала на нём и его жене. Они занимались не только обработкой земли, но и «обучением» людей, поэтому их доля была справедливой. К тому же эти деньги изначально были предназначены им.

Цюй Даню не было дела до того, много это или мало, он онемел. За эту работу семья Лян уже заплатила их дому, почему второй брат говорит, что даст ещё?

Один лян? Один лян чего? Один лян серебра? Цюй Даню решил, что ослышался, он глупо уставился на Цюй Эрню, желая спросить, но не зная, как.

<http://bllate.org/book/16698/1533766>